

12+

читайте в номере:

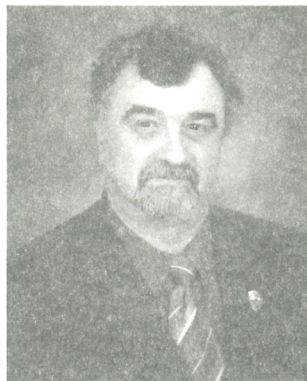
С МЕЧТОЙ О МИРЕ
ЧАЙНИК С ДВУМЯ НОСИКАМИ
СОЛЁНЫЙ ВАСЬ
КУРЬЕР ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ
КРОЛИКИ ИЗ ШЛЯПЫ
Носитель вируса печали
СТАРЫЙ АБРИКОС

10
**бельские
просторы**
октябрь
2018

Словно стылые птицы

* * *

Замечаешь, что время идёт.
Огурцы созревают на грядке.
А на ветке неспешным порядком
Наливается зрелостью плод.
Видишь то, как ребёнок растёт,
Из него прут с восторгом вопросы.
И немного шокирует взрослых
С уст слетевший крутой оборот.
Жизнь уходит, а время идёт...

ГОРОД

Город оделил людей работой.
Каждому по ломтю с каравая.
Нашим домом хлебом и заботой
Северная стала буровая.
Мы сшивались долго, тяжело.
Кто не приживался, уходили.
Их не вспоминали.
Их забыли.
Быстро, основательно и зло.
Вспоминались голодно и трудно
Дом, любимые.
Кипение садов.
Улицы родимых городов.
Всё глушилось пьянством беспробудным...
Помогло ли?
Нет, не помогло.
Наш бессменный мастер

Игорь Викторович Кириллов (Северский) родился 1 декабря 1954 года в городе Красный Луч Ворошиловградской области. С 1976 года живёт и работает в Ханты-Мансийском автономном округе: с 1978 по 1986 год – корреспондентом, а затем редактором газеты «Нефть Приобья»; с 1998 по 2006 год – руководителем пресс-службы Думы Ханты-Мансийского автономного округа, с 2006 по 2010 год – пресс-секретарём главы Невтеюганского района. Последние десять лет подолгу живёт в деревне Кальтовка Иглинского района под Уфой. Регулярно печатается на страницах периодических изданий, публикуется в коллективных сборниках поэзии, активно участвует в работе литературного объединения «Замысел», выпускает литературную страничку «Иван-чай». Автор сборников «Письмена» и «Фрески». Член Союза российских писателей, заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Матом русским
С хрустом изгонял из нас похмелье.
И сменялась утром
Накипь грусти
Озорным отчаянным весельем.
Было всяко.
Рокот первых вахт.
Бешеных часов ревуший ритм.
Пот в глазах, а иней на бровях
Буду помнить,
Сколько буду жить.
Как в треклятый каторжный мороз
Лопнул трос, и накренилась вышка.
Был аврал.
Партком чинил разнос,
Важная срывалась передвижка.
Как помбур с площадки верховой
На ремнях спускался, по растяжке,
Как взлетали трубы над тобой...
Вспоминать и то такое
Тяжко.
Но не только это помним мы.
Помним мы и радостные дни.
Память непременно сохранит
Нашей дружбы северной
Гранит.
И фонтанов мощное рычанье.
Кладовых подземных глубину
Мы взрывали,
Чтобы их дыханьем
Отогреть продрогшую
Страну.
Это было больше чем открытие,
Радости прозрения хлебнув,
Шли мы после вахты –
Все великие!
Подняв головы и плечи
Развернув.

В ТУ НОЧЬ

В ту ночь, мы, не смыкая глаз,
Курили, спорили, ругались...
Мы пили крепкий чай, и нас
Псы мохноногие боялись.
Мы вспоминали, как вчера
Под крики громкие: «Ура»,
Чуть приподнявшись над землёй,
Плыла, подрагивая, вышка.

А наш прораб, на вид мальчишка,
Ордой командовал стальной.
С утра он долго жадно пил
Из кружки воду ледяную...
Копну волос его седую
Упрямый ветер не щадил.
Затем прошла команда: «Стоп»,
Как нервы тросы натянулись.
Носами тракторы уткнулись
В гигантский ледяной сугроб.
Сбывалось всё, о чём вчера
Мы даже говорить боялись,
Над чем отчаянно смеялись
Псы у вечернего костра.
Но показался наш КамАЗ,
Путь освещая ближним светом.
И стало ясно, что к рассвету
В посёлок он доставит нас.
В башке была белиберда,
Мы были без хмельного пьяны.
А на рассвете телеграмма –
И текст, как выстрел от бедра:
«Болею и скучаю.
Мама».

ВНОВЬ, КАК ВЕКА ТОМУ НАЗАД

Вновь, как века тому назад,
У плотника жена рожает.
Его соседи осуждают:
Сам, дескать, старый виноват.
Зачем её привёл он в дом,
Зачем капризам потакает?
Зачем наряды покупает?
А дальше что? А что потом?
А плотнику и дела нет,
Молчит себе да доски стружит,
От ушлых кумушек досужих
Он охраняет свой секрет.
Тут как-то приходил один,
Сказал, что будто послан свыше.
Мол, надо научиться слышать,
Не зря дожил ты до седин...
– Уже однажды случай был, –
Сказал тогда суровый странник...
С тем сил неведомых посланник
Дверь за собой и затворил.
А старый плотник как живёт?
Работает и верит в чудо...

Уносит ветер пересуды,
а к дому караван идёт.

В БЕЛОПЕННОЙ СЕДОЙ СТОРОНЕ

В белопенной седой стороне,
Где утесы сменяются плёсом,
Где ледовая дерзость торосов
Вызов вешней бросает волне.
К половодью, к высокой воде
От тоски погибаются души.
И предчувствие мрачных удуший
Нас тревожит в предутреннем сне.
Ни пути, ни просвета не видно.
И, как будто сквозь пальцы песок,
Протекает судьба...
И обида острым клювом стучится в висок.
Память наша, как старая рана,
Заунывно, протяжно скулит.
И хрипатый гудок каравана
Разобьётся о скальный гранит.
Да о чём-то далёком напомним
В белопенной седой стороне
Этот хриплый гудок парохода,
Долетевший по вешней волне.
Мы с тобой, словно стылые птицы,
Вдруг попробуем стать на крыло.
И, презрев рубежи и границы,
Мы рванёмся туда, где тепло.
Разминувшись с гусиною стаей,
Мы прорвёмся навстречу весне,
Наши души навеки оставив
В белопенной седой стороне.